Глава 44

Великолепно украшенная повозка в окружении стражи двигалась по дороге от столицы Юнь Чана к границе. Вестовые часто приближались к отряду, чтобы передать новости человеку в повозке.

Две из них были особенно плохими.

Сообщения от премьер-министра Гуй Чан Цина шли бесконечным потоком, одно письмо за другим. Одно из них сообщало об исчезновении Бай Пин Тин из столицы, а второе – об отряде людей, отправленных в горы, которые по какой-то причудливой причине все заболели довольно странными болезнями. Гуй Чан Цин использовал почти всех своих секретных агентов, чтобы расставить всевозможные ловушки на пути из столицы в Бэй Мо, но ни одна из них не дала результата.

Бай Пин Тин и ее служанка миновали каждое препятствие, не оставляя никаких улик. Голова дракона появлялась то тут то там, но тело и хвост бесследно исчезли. В последнем письме говорилось, что они, наконец, были замечены. Первоначально их можно было быстро изловить, но они использовали какое-то странное лекарство, истощавшее всю силу в солдатских конечностях. Мужчины могли только сидеть и смотреть, как две женщины убегали от них.

– Эта Бай Пин Тин, – Яо Тянь прочитала письмо Гуй Чан Цина и приблизилась ближе к очагу, наблюдая, как его содержимое постепенно превращается в пепел. Она понизила голос: – Они были обнаружены?

– Отвечаю принцессе, все были строго предупреждены премьер-министром. Они должны играть роль бандитов и никогда не позволять ускользнуть и слову перед Пин Тин. Вестовой опустился на колени перед Яо Тянь. – Она не должна узнать, что они наши люди.

– Трудно сказать, – Яо Тянь слабо вздохнула. – Даже если она узнает, что она сможет сделать? Ей не нанесли вреда, и у нее нет доказательств. Никто не поверит ей, даже если она так скажет. Ну что ж, езжай и передай премьер-министру не тратить больше сил на Бай Пин Тин. Мы терпели неудачу слишком много раз. Небеса видно не одобряют наших действий. Зачем заставлять ее покончить с собой сейчас, когда они уже далеко?

Вестовой с уважением ответил:

– Я запомнил слова принцессы и должным образом передам их премьер-министру.

– Можешь идти.

Видя, что вестовой исчез за занавесом, Яо Тянь осталась в огромной повозке. Она тихо вздохнула. Украшения, ярко блестевшие на солнце, были ее любимыми и находились в повозке, создавая в её пристанище таинственную атмосферу. Однако Яо Тянь не проявляла к ним интереса.

Но её ожидало еще больше плохих новостей.

Получив письмо Бай Пин Тин, она передала его вестовому, чтобы тот доставил его Гуй Чан Цину. Затем Яо Тянь приказала всем забыть массу обычаев и обрядов принцессы, прежде чем покинуть столицу и срочно отправиться к границе. Вместо этого, мысли о невинных жизнях, потраченных впустую в сражении и выяснении, кто лучший полководец меж Чу Бэй Цзе и принцем-консортом было более важным.

Пока Яо Тянь еще была в пути, две армии уже выстроились друг против друга.

Первое противостояние произошло на равнинах Ян. Чу Бэй Цзе отбросил Хэ Ся на двадцать миль, что привело к огромным жертвам среди армии Юнь Чана.

Второе сражение началось на равнинах Ян. Но его центр сместился на восток. Как и следовало ожидать от известного полководца вроде Хэ Ся, он знал, что Чу Бэй Цзе спешит продвинуться вперед и ловко избежал прямого столкновения, сосредотачивая свои атаки на правом фланге. Они заманили их в темные леса. Если бы Чу Бэй Цзе сразу не раскрыл его план и не послал быстрого вестника, с приказом отступить, правый фланг армии Дун Линя был бы давно уничтожен. Это заставило Чу Бэй Цзе стать более бдительным. Армия Дун Линя не атаковала без каких-либо планов.

Яо Тянь спешила день и ночь, надеясь остановить битву. По дороге она получала сообщения о жертвах. Мало того, темные леса Юнь Чана кишели живыми людьми, так как они были местами, где проживало множество жителей. Одного только пылающего факела было достаточно, чтобы угрожать их мирному существованию.

Юнь Чан не мог позволить себе излишне жертвовать жизнями простолюдинов. Она должна была прибыть как можно скорее. Чу Бэй Цзе устроил лагерь в предгорьях Бянь Фэн, в то время как войска Хэ Ся находились на утесах Цзю. Как только начнется формальная война, последствия будут слишком катастрофическими.

Хэ Ся коротко объяснял ситуацию на поле боя. Его слова были полны энергии и уверенности. Большинство из сотен слов в армейском отчете были любовными словечками, направленными на нее. Его генералы были намного более скрупулезными и ярко описали жестокие события, произошедшие там…

«Основной отряд Чу Бэй Цзе – элитный, хорошо обученный и ловкий, как ветер. По битве на равнинах Ян очевидно, что они составляют сущность армии Дун Линя».

«Отблески мечей отражались повсюду, а крики сотрясали небо. Трупы привлекли многочисленных стервятников. Конный отряд моего Юнь Чана атаковал Чу Бэй Цзе с фронта, и выживших почти не осталось».

«Сила Чу Бэй Цзе не имеет себе равных. Даже смелость не может остановить его. Никто, кроме принца-консорта, не может выстоять более десяти раундов. Принц-консорт – самый доблестный воин нашего Юнь Чана».

«План принца-консорта очень умён. Сначала заманить их в лес Юфу, а затем атаковать правый фланг Дун Линя».

«Свет огня заполнил небо, не утихая целых два дня и две ночи. На сегодняшний день тридцать миль темных лесов превратились в пепел».

«Если бы не принц-консорт, у этой битвы не было бы надежды».

«Я возглавлял солдат много лет, но никогда не видел такой армии с таким мощным боевым духом и генералами в бою. Наступает настоящая война, и хотя принц-консорт очень способный, боюсь, что обе стороны понесут огромные потери. Я призываю принцессу отдать приказ, чтобы принц-консорт сделал все, чтобы остановить эту битву».

«Принц-консорт Юнь Чана действительно могущественный генерал и благословение неба для нашего Юнь Чана. Если мы сможем победить армию Чу Бэй Цзе, то наш Юнь Чан навсегда останется самой сильной из четырех стран».

«Пока у Дун Линя есть Чу Бэй Цзе, наш Юнь Чан никогда не сможет победить. Я рискую смертью при написании такого отчета. Пожалуйста, подумайте, принцесса».

Каждый доклад был заполнен несколькими сотнями слов. Независимо от того, какую позицию они занимали, вся их кровь кипела от ярости.

Яо Тянь внимательно прочитала каждое из посланий с фронта и потерла виски. Она снова потерла их, прежде чем открыть занавес бокового окна.

Ночь опустилась на Юнь Чан, мирная, как обычно. Тень большого сражения была похожа на скрытого зверя, выпрыгнувшего и откусившего кусок человеческой плоти, прежде чем сбежать во тьму.

– Передайте приказ двигаться еще быстрее. Жун Ань, насколько далеко мы еще от лагеря?

Жун Ань, капитан, отвечавший за ее личную охрану, подвел свою лошадь ближе к повозке.

– Отвечаю принцессе, утесы Цзю находятся прямо за горами. Мы обязательно доберемся до них завтра к полудню.

– Люди в лагере… знают, что я в пути?

– Строго следуя приказам, вестовым не позволили и слову ускользнуть о местонахождении принцессы. В лагере не знают, что принцесса скоро прибудет туда, – затем Жун Ань понизил голос: – Но будет ужасно, если они примут вас за врага. Пожалуйста, позвольте мне завтра повесить на повозку императорский флаг принцессы, чтобы предотвратить подобную ошибку.

– Хм, тогда действуйте, – Яо Тянь опустила занавеску и откинулась на мягкие подушки.

Она прочитала большинство отчетов лежащих на столе. Хотя все генералы думали по-разному, все они думали о лучшем для своей страны.

Все они знали, что мастерство владения мечом у Хэ Ся было необычайным, выше большинства людей.

Все они знали, что сражаются с обезумевшим Чу Бэй Цзе. Даже если они победят, они не вернутся без жертв.

Они хотели сделать все возможное, но чувствовали боль от гор трупов сыновей Юнь Чана.

Яо Тянь холодно улыбнулась и медленно закрыла глаза.

У мужа, которого она выбрала, была сила противостоять Чу Бэй Цзе, но сейчас не время показывать свои способности. Когда два тигра сражаются, по крайней мере, один всегда будет ранен. Почему они не могут решить это мирно, не борясь до своей горькой кончины?

Если бы Бай Пин Тин ушла, то помешанный на ней Чу Бэй Цзе, несомненно, тоже ушел бы.

Если бы Чу Бэй Цзе не было, мир попал бы в руки столь доброго, нежного улыбающегося мужчины.

«Будьте уверены, принцесса. Несмотря ни на что, я никогда не буду ни в чем обвинять принцессу за свою жизнь».

«Хэ Ся, поклянется прямо сейчас, что придет день, когда я позволю принцессе стать самой благородной женщиной в мире, а затем лично короную принцессу как императрицу Четырех Стран».

Его глаза сверкали, как звезды, полные глубокой магической силы, затягивавшей ее в свои глубины.

В первую брачную ночь он опустился перед ней на одно колено и, держа ее за руки, поклялся перед небесами.

Хэ Ся, этот маркиз Цзин-Ань, этот знаменитый полководец.

Он был ее принцем-консортом.

Он был тем, кого она кропотливо выбрала из огромной толпы и доверила свою жизнь.

За каждым мужчиной в их жизни была предназначенная судьбой женщина.

Бай Пин Тин, Чу Бэй Цзе сражается за тебя, но перестанет бороться за тебя. Очень жаль, что такой великий человек славы и амбиций погибнет в твоих руках из-за своей любви к тебе.

Потерянный человек, а когда-то героический генерал.

Хэ Ся другой. В его сердце вы только гость в течении пятнадцати лет на его жизненном пути.

Он мой муж, принц-консорт моего Юнь Чана.

И останется им навсегда.

После нескольких дней путешествия они очень устали.

Большая часть денег была потрачена в столице, чтобы купить кучу разных вещей, для своей защиты. Пока они шли, они потратили еще больше на покупку лошадей, еды, гостиниц, пока ничего не осталось. Хорошо, что теперь они находились ближе к границе. Было еще множество возможных путей к Бэй Мо. Казалось, премьер-министр Юнь Чана не расставил много ловушек, чтобы остановить их, так что путешествие стало гораздо менее опасным.

Пин Тин и Цзуй Цзюй стали намного худее, поскольку многочисленные враги нападали на них изо дня в день. Это была битва умов для Пин Тин. Она, не моргнув и глазом, преодолела каждое препятствие. Цзуй Цзюй никогда не встречала столь злонамеренного желания убить в своей жизни и была ужасно напугана. Через некоторое время она постепенно начала находить юмор в боли.

– Это горы Сунсен! Ха, еще один день, и мы доберемся до Бэй Мо, – горы Сунсен, обозначавшие границу между Бэй Мо и Юнь Чаном, наконец-то возникли в поле их видимости. Цзуй Цзюй ликовала, когда указала на них, чтобы Пин Тин их увидела.

Пин Тин спрятала улыбку. Она смотрела на них некоторое время, прежде чем кивнуть.

– Ты права – это горы Сунсен, – ее хрупкое лицо было полно усталости после ходьбы весь день.

Цзуй Цзюй внимательно изучила цвет ее лица, прежде чем сказать:

– Давайте не станем сегодня спешить. Впереди семейная хижина. Пойдемте, попросим приюта. Когда мы туда доберемся, я сварю немного лекарства для плода. Не отказывайтесь, говоря, что оно горькое. Вы должны выпить каждую его каплю.

– Хотя оно действительно горькое, – Пин Тин нахмурилась. – Мои рецепты никогда не бывают такими горькими. Я довольно хорошо себя чувствую в последние несколько дней, ни головокружения, ни рвоты.

– Нет, лекарь – я. Вы знаете анестетики и яды, но если это лекарство для спасения, я лучше вас. Разве ваше состояние не такое же, как и раньше. Вы не должны переоценивать себя, – Цзуй Цзюй посмотрела на нее.

Пин Тин спрятала улыбку и кивнула.

– Да, гениальный лекарь Цзуй Цзюй.

Семейная хижина впереди принадлежала старой паре, занимавшейся охотой. Пожалев двух хрупких и обаятельных девушек, попросившихся остаться на ночь, они с готовностью согласились и позволили им остаться на ночь в чистой маленькой комнатке.

Цзуй Цзюй открыла сумку на кровати. Осталось не так много трав, которые она купила по дороге. Оказалось, ей не хватало одной травы для рецепта. Затем она собрала сумку и вышла на улицу, чтобы спросить старуху:

– Хозяйка, в горах поблизости есть трава Мо?

– Вся гора полна ее. Эта трава по своей природе сорняк и зимой не погибает. Если вы подойдете к подножию горы и разгребете снег, то обнаружите огромные ее поляны, – хозяйка хижины спросила с любопытством: – Почему мисс нужна трава Мо? Разве она не для беременных женщин?

– О… – Цзуй Цзюй рассмеялась. – Ничего особенного. Видите ли, моя старшая сестра и я идем

издалека, чтобы навестить брата. Его жена беременна, и я хотела собрать ее, чтобы та помогла укрепить тело его жены, когда мы туда доберемся.

– Правда. Бедные семьи, которые не в состоянии купить лекарства, используют ее, чтобы помочь укрепить тело. Она очень эффективна. Я считаю, что она даже лучше женьшеня, – хозяйка рассмеялась, морщины на ее лице были похожи на цветы, так как разговор с девушкой был очень редок в таком отдаленном месте.

– Тогда я пойду и соберу немного.

– На пути много каменных осыпей. Будьте осторожны.

Цзуй Цзюй прошла несколько шагов и снова повернулась, обеспокоенная.

– Моя сестра устала после дневной прогулки и сейчас дремлет. Когда она проснется, пожалуйста, передайте ей сообщение, что я пошла за травами и скоро вернусь. Тетушка, пожалуйста, помогите присмотреть за моей сестрой.

– Понятно, не волнуйтесь, мисс!

Цзуй Цзюй одолжила лопату, чтобы копать снег и, наконец, ушла.

Пин Тин некоторое время сладко спала и еле проснулась. Она открыла рот, чтобы позвать Цзуй Цзюй. Однако девушка ничего не услышала и не могла не подумать, что это странно. Она села и поняла, что сумка Цзуй Цзюй стояла у ее ног, из нее были извлечены несколько трав.

– Цзуй Цзюй? – она встала с кровати и тихонько позвала еще пару раз, но встретилась с тишиной. Пин Тин повернулась, чтобы посмотреть за окно. Небо уже было темно-серым.

– Цзуй Цзюй, где ты? – голос стал немного выше.

Послышался звук подъема занавеса, когда кто-то вошел. Пин Тин радостно обернулась, но обнаружила, что это была хозяйка хижины.

– Мисс, ваша младшая сестра пошла за травой Мо для вашей невестки, – хозяйка мило улыбнулась. – Еда уже приготовлена. Давайте поедим вместе, хотя овощей не так много.

– Спасибо, тетушка, – тихо ответила Пин Тин, показывая легкую благодарную улыбку. Она последовала за хозяйкой в простую маленькую комнату. Ее немой муж уже сидел за столом. Аккуратно приготовленные блюда выставили на стол, блюдо редьки, блюдо из тушеной рыбы и половину кастрюли с рисовой кашей из разных зерен. Все они были горячими.

Немой хозяин сделал знак:

– Аааа… Ааа!

Только хозяйка поняла, что он имел в виду, и объяснила Пин Тин:

– Мисс, сядьте и поешьте. Не волнуйтесь, ваша сестренка сказала, что она просто идет к подножию горы и скоро вернется.

– Спасибо, хозяин, спасибо, хозяйка, – Пин Тин посмотрела на темное небо за окном.

Хотя блюда были очень грубыми, старая пара очень внимательно отнеслась к ее нуждам. Маленькая комната была наполнена теплой атмосферой. Пин Тин опустила палочки и посмотрела за окно. Было совсем темно.

Она все еще не видела силуэта Цзуй Цзюй и снова начала волноваться.

– Боже, почему ваша сестренка все еще не вернулась? – хозяйка тоже с тревогой посмотрела на улицу. – Это только подножие горы, оно не так далеко. Она уже должна была вернуться.

Сердце Пин Тин было полно беспокойства. Она несколько раз прошлась по маленькому дворику. Хотя Цзуй Цзюй была умна, горы ночью не были шуткой. Что, если она встретится со зверями, сбесившимися от голода из-за долгой зимы?

Она заставила Цзуй Цзюй некоторое время прождать в столичной гостинице и смеялась над ее выражением лица, сказав, что та слишком сильно переживала. Только теперь она поняла, что беспокоиться о ком-то другом было гораздо ужаснее, чем беспокоиться о себе. С тех пор как они ушли с Цзуй Цзюй, они были неразлучны. Она становилась все более и более беспокойной, пока больше не могла этого выносить.

– Тетушка, думаю, я все-таки поищу ее.

Хозяин издал несколько звуков и удержал ее своей мощной хваткой.

Хозяйка тоже ответила:

– Подождите немного дольше. Если ваша сестра не увидит вас, когда вернется, она будет еще сильнее обеспокоена.

– Нет, нет. Я просто осмотрю подножие горы и сразу же вернусь, – Пин Тин позаимствовала пылающий факел и спросила, в каком направлении отправилась Цзуй Цзюй. Затем она

сказала: – Хозяйка, если моя сестренка вернется, постарайтесь не дать ей снова уйти. Если я не увижу ее у подножия горы, я немедленно вернусь.

Хозяйка вздохнула.

– Как и следовало ожидать от двух сестер. Она говорила мне снова и снова присматривать за вами, когда уходила. Теперь вы говорите мне присматривать за ней, когда уходите. Будьте хорошей мисс и просто осмотритесь у подножия горы. Темно, так что не лезьте выше.

– Поняла.

Хотя наступила ночь, ветер был не очень силен. Пин Тин шла стабильно, пламя тянуло за собой длинный хвост, словно пытаясь преследовать ее фигуру.

Вскоре она достигла подножия горы.

Лунный свет падал на каждый дюйм снаружи, но останавливался в этом месте, не вторгаясь в лес ни на шаг.

Тени ветвей, казалось, напоминали человеческие фигуры. Она подняла свой факел, но где была Цзуй Цзюй?

– Цзуй Цзюй! Цзуй Цзюй! – она некоторое время оглядывалась и повысила голос.

Невидимые волны эха снова и снова отскакивали от деревьев.

Пин Тин стояла у леса, внимательно изучая его. Была пара следов того, что кто-то копался в снегу. Она поспешно присела. Казалось, что кто-то действительно сорвал траву и собрал ее. Остатки валялись на снегу. Пин Тин проследовала по оставленным следам и вскоре обнаружила несколько отпечатков, слегка припорошенных снегом. Если бы она так тщательно не искала или не держала факел, то могла бы пропустить их. Она медленно пошла по следам, один за другим. Только когда толстые силуэты массивных деревьев леса накрыли ее, она подняла голову и остановилась.

Цзуй Цзюй ушла в лес.

Она не знала, почему, но ее сердце внезапно сжалось, и на него нахлынула боль.

– Цзуй Цзюй! Цзуй Цзюй! Где ты? – Пин Тин начала громко кричать, используя все свои силы для крика.

Пустынная печаль хлынула в ее сердце, заставляя ее чувствовать себя более беспомощной, чем когда-либо. Она не видела лица человека, но столкнулась с тишиной огромной горы. Здесь не было врагов, никаких ловушек, с которыми она не задумываясь разбиралась в прошлом.

Тишина гор и леса заставили ее чувствовать себя ничтожной. Пин Тин никогда не чувствовала себя такой одинокой.

– Где ты? – она внезапно обернулась, ее бледное лицо осветилось пламенем. При всей своей мудрости она не могла дать разумного объяснения своим чувствам. Она не понимала, почему понизила свою защиту, когда думала, что ее свобода близка.

Она стояла на сверкающем белом снегу. Левая сторона была полна лунного света, а правая темного леса. Даже звуки зимних жуков нельзя было услышать, заставляя ее внезапно понять, что она была одна.

– Где ты? – прошептала она, не в силах собрать энергию, бурлившую в ней раньше.

Факел продолжал гореть, издавая легкий треск. И все же именно этот слабый звук стал единственным ритмом в тишине небытия.

Пара серьезных, глубоких, блестящих черных глаз всплыла у нее в голове.

Она расправила плечи. Они обещали крепко держаться друг за друга, но почему она оказалась одна в этом темном лесу?

Его непобедимый меч мог сотрясти землю, но у него не было сердца, чтобы утешить ее беспокойную душу.

В глубокой ночи, где не было видно ни души, слезы Пин Тин потекли без удержу. Даже Пин Тин не могла понять, почему боль, которую она так глубоко спрятала в своем сердце, снова всплыла, и ее слезы бесконечно текли в этом темном и бескрайнем лесу. Они падали на землю, не оставляя следов.

Она опустила голову и яростно стиснула зубы. Она опустила факел, чтобы посмотреть на каждую каплю слез на снегу. Затем женщина снова резко подняла голову и закричала:

– Цзуй Цзюй! Цзуй Цзюй! Где ты? – ее заплаканное лицо было полно горя и отчаяния.

– Мисс! Я здесь! – внезапно из тихого леса вырвалось чистое эхо.

Пин Тин, казалось, напряглась при этом. Она подняла факел и посмотрела вперед.

Как и ожидалось, фигура вылетела из мрачного темного леса. Она несла маленькую корзину, пока задыхаясь, быстро бежала к ней.

– Я не ожидала, что на этой горе есть другие хорошие травы. Я последовала за теми, что хотела собрать, и невольно далеко забрела. Потом стемнело, и я почти не могла найти дорогу назад. К счастью, мисс пришла сюда. Ах… – увидев красные глаза Пин Тин под мерцающим светом, Цзуй Цзюй резко остановилась и понизила голос до шепота.– В чем дело?

– Ни в чем.

– Уже так плачете… – Цзуй Цзюй взяла руки Пин Тин, холодные, как лед, без намека на тепло. – Это моя вина. Мисс простите за беспокойство.

Пин Тин горько улыбнулась.

Другие всегда хвалили ее за сердечность, но только она понимала, насколько нелепа она была. Как Цзуй Цзюй могла узнать, о чем она сейчас думала?

Она моргнула, позволив тихо ускользнуть еще одной слезинке.

Сердце Цзуй Цзюй было встревожено из-за нее.

– Мисс, не плачьте. Разве я не вернулась? Я больше не буду этого делать.

Пин Тин отвернулась, ее голос звучал очень слабо.

– Эти травы не важны. Ты должна беречь себя. В конце концов, сегодня очень холодный день, – затем они вдвоем медленно направились назад.

Помедлив, Цзуй Цзюй сказала:

– Я возьму его, – она взяла факел у Пин Тин, другой рукой неся маленькую корзинку. Она оставалась беспокойной и продолжала оглядываться, чтобы проверить красные глаза Пин Тин и, изучив ее, сказала: – О чем думает мисс?

Пин Тин шла молча с опущенной головой, будто не слыша ее слов. Однако некоторое время спустя она открыла рот, чтобы ответить.

– Я думаю о письме, которое я ему написала.

Услышав, что Пин Тин взяла на себя инициативу упомянуть «его», Цзуй Цзюй испытала

сильный шок. Она слишком боялась затронуть тему, которая так часто заставляла ту плакать, не смея ничего спросить. Она продолжала идти в тишине.

Вскоре она услышала, как Пин Тин медленно сказала:

– Когда я взяла в тот день кисть, хотя я написала много вещей, мои мысли были в полном беспорядке. Теперь, когда я думаю об этом, возможно, это письмо было голосом моего сердца, который я даже сама не понимала.

Цзуй Цзюй не могла не спросить:

– Что написала мисс?

Пин Тин, казалось, раздумывала сказать или нет. Ее губы слегка пошевелились. Затем все изменилось на вздох.

– Даже если я скажу, это только добавит тебе кучу проблем.

Двое погрузились в очередное молчание. Никто не издал ни звука, пока они продолжали идти назад. Они подняли головы, чтобы увидеть мерцающий свет в маленькой хижине поодаль и вдруг услышали пронзительный, яростный рев, загрохотавший по земле.

– Чертов старый козел, как ты смеешь не отвечать! – в ночном небе раздался хлесткий звук удара.

Сердца Пин Тин и Цзуй Цзюй замерли. Их нервы были закалены от повторяющихся побегов из лап врага. Они быстро опустили факел в снег, потушив его, и спрятались за валуном у дороги.

Под лунным светом они тихо пробрались внутрь. Они могли различить размытые фигуры мужчин, угрожающе загораживающих вход в хижину.

– Если бы мы, чиновники, не противостояли Чу Бэй Цзе, Дун Линь ворвался бы в страну, и ваши головы превратились бы в мячи для пинания народа Дун Линя. Солдаты должны быть накормлены, чтобы они могли сражаться. Как ты все еще можешь надеяться выжить, если не платишь налоги?

Добрый тон хозяйки наполнился одновременно паникой и страхом.

– Чиновники, мы уже заплатили наши налоги за год два дня назад…

– То было два дня назад, а сегодня это сегодня! – раздался яростный голос.

Послышался треск. Казалось, кто-то сломал старую деревянную дверь ударом ноги.

– У нас действительно ничего нет.

– Ничего? Хм, а это что? – прервал резкий голос, и человек, давно ворвавшийся в хижину, награбил кучу разных вещей. Он усмехнулся: – Несмотря на то, что ты такая старая, у тебя все еще есть довольно хорошие вещи.

– Ах! Аааа… ааа… – немой хозяин помахал рукой и сделал знак, останавливая мужчину.

Хозяйка поспешно объяснила:

– Господин, господин, это не наши вещи. Они принадлежат двум мисс, остановившимся в хижине…

– Черт! – человек свалил старого хозяина наземь, его голос ожесточился. – Раз они принадлежат не вам, как они оказались в вашей хижине? Однако, этих вещей хватит в качестве сегодняшнего налога. Если вы по-прежнему откажитесь платить в течение двух дней, тогда мы сожжем этот гнилой дом!

Прихватив сумки Пин Тин и Цзуй Цзюй, они ушли. Они подождали, пока те уйдут подальше, прежде чем выглянуть, чтобы посмотреть на их спины.

– Такие жестокие и злые ублюдки, – яростно пробормотала Цзуй Цзюй. – Это то, что видишь каждый день, даже в нашем Дун Лине такое есть. Глянешь на богатых мастеров или высокопоставленных чиновников – они ведут себя как милые щенки. На самом деле они жестоки, как волки. Если они когда-нибудь попадут в руки моего шифу, он обязательно накажет их.

Пин Тин смотрела до тех пор, пока их спины не исчезли вдали, прежде чем прошептать в ответ.

– Но что еще мы можем сделать? Я часто сожалею об одном в подобные дни. Какой смысл изучать цинь и танцы? Боевые искусства и фехтование были бы намного лучше. Даже если земля в ухабах, меч в ножнах поможет при ходьбе. Проклинаю свою бесполезность, я даже не могу помочь себе, как я могу даже думать, чтобы помочь другим?

Цзуй Цзюй не была согласна.

– Разве мисс не была очень хороша в эти дни? Почему вы вдруг снова начали сожалеть? Сколько есть людей с такими же способностями, что и у вас под небесами?

Хотя ее слова были неунывающими, она вдруг подумала о герцоге. Все было не так. В конце концов, даже умные женщины станут бояться столкновения в ближнем бою. Если бы она была рядом с герцогом, он, естественно, защитил бы ее, убедившись, что никто не причинил ей вреда.

Но без кого-то, кто мог бы защитить ее, она могла только защищать себя сама.

Два человека одновременно встали из-за валуна. Пин Тин встала слишком резко и от этого у нее закружилась голова. Ее ноги стали неустойчивыми, а плечи слегка задрожали.

– Будьте осторожны, мисс! – поспешно сказала Цзуй Цзюй, протягивая руку, чтобы поддержать ее.

– Я в порядке, – небрежно ответила Пин Тин, снова вдруг став устойчиво. Она собралась идти, но понятия не имела, в каком направлении повернуть. На этот раз она, к сожалению, больше не могла снова поддерживать свой вес. Ее тело стало легким и невесомым, прежде чем она полетела к земле.

В мгновение ока Цзуй Цзюй уже рванула вперед, схватившись рукой за запястье Пин Тин. Она не ожидала, что на этот раз Пин Тин упадет. Она не могла поддерживать весь вес ее тела, в конце концов, Цзуй Цзюй тоже только что встала. Это застало ее врасплох, поэтому ее попытка потерпела неудачу. Она закричала, когда тело Пин Тин утащило ее вниз, и они вместе рухнули наземь. Ее колени болезненно врезались в камень, а руки заскользили по камню, вызывая жжение. Хотя это было больно, Цзуй Цзюй все же удалось встать, не заботясь о собственной боли. Она схватила Пин Тин и поспешно спросила:

– Что случилось? Вы ранены?

Пин Тин почувствовала, что ее разум прояснился только после того, как Цзуй Цзюй помогла ей. Она покачала головой, сказав:

– Я в порядке, – она немного подумала, будто тщательно проверяла, действительно ли ей больно или нет, но не почувствовала не мелейшей боли.

– Вы поранились?

– Нет, – Пин Тин потерла руки и покачала головой.

Цзуй Цзюй, наконец, вздохнула с облегчением.

– Вы напугали меня до смерти. Давайте вернемся скорее.

Они вернулись в хижину. Комната была перевернута с ног на голову. Мебель была разбросана или поломана. Немой хозяин в шоке сидел в углу, а хозяйка несчастно плакала. Когда она увидела Пин Тин и Цзуй Цзюй, она подняла голову и перестала плакать. На ее лице появилось неописуемо грустное выражение.

– Мисс, ваши сумки…

– Мы уже знаем. Хозяин и хозяйка не виноваты. Кроме того, в этих сумках не было ничего особо ценного, – Пин Тин сказала несколько утешительных слов, которые, наконец, остановили слезы старой пары.

Затем они помогли им привести в порядок комнату и вернуть на места мебель. Все были истощены, когда вернулись в свои комнаты, чтобы отдохнуть.

Думая, что жалкие остатки денег, которые у них были отложены на дорогу, уже пропали, и не осталось смены одежды, означало, что перспективы были довольно мрачными. Они не могли найти в этом ничего забавного.

– Деньги и одежда вовсе не так важны, как люди. Нетрудно заработать денег. Мы можем просто исцелить кого-нибудь по дороге, – Цзуй Цзюй помогла Пин Тин лечь на кровать: – Дайте мне руку, – затем прижав два пальца к её запястью, она спокойно выслушала пульс. Внезапно она сказала: – Хм, – а затем озадаченно посмотрела на Пин Тин: – Вам где-то неудобно?

– В чем дело? Ребенок болен? – Пин Тин тоже была очень удивлена.

– Где вы чувствуете себя некомфортно?

– Нет, нигде.

Цзуй Цзюй ответила:

– Позвольте мне послушать снова, – она тщательно проверила ее запястье и шею, но все еще хмурилась. – Пульс немного странный. Может, вы простудились сегодня вечером? Боже, я должна была сказать вам не искать меня. Ложитесь и больше не двигайтесь, – она достала корзину.

Пин Тин очень заботилась о безопасности ребенка и покорно осталась мирно лежать. Затем она начала чувствовать сонливость, свет в ее глазах превратился в крошечные щели, пока не был скрыт темнотой. В конце темноты казалось, грациозно покачивался тусклый свет. Она чувствовала себя очень комфортно, пока ее нежно не потрясли за плечо. Пин Тин открыла глаза и посмотрела на Цзуй Цзюй и миску с лекарством, поставленную в изголовье кровати. Она испускала дрейфующий над ней пар, Цзуй Цзюй тихо сказала:

– Выпейте лекарство и поспите после этого. Эти злобные ублюдки, даже не пропустили лекарственных трав. К счастью, сегодня я собрала свежие.

Цзуй Цзюй только забрала чашку из-под лекарства, довольная после того, как Пин Тин с хмурым видом закончила всю миску. Она погасила свет, и они вместе легли спать. Они шли целый день. Цзуй Цзюй сразу же отправилась искать травы после того, как они попросили приюта, а также целый ряд прочих инцидентов. Цзуй Цзюй была намного более уставшей, чем Пин Тин. Она сразу же уснула, как только ее голова коснулась подушки. С той каплей энергии она глубоко погрузилась в мир своего сна. Во сне она увидела суровое лицо шифу, но его добрые глаза скрывали смех. Затем она вернулась в уединенную резиденцию, стоящую среди цветов сливы, увидев перед собой смутную фигуру, которая, казалось, смотрела на яркую луну. Сны следовали один за другим, каждый все незнакомее и незнакомее. Каждый из них, казалось, излучал теплый вкус и казался путем к другой истории. Она знала, что у каждой истории был счастливый конец.

В мягкости сна откуда-то внезапно взялся всплеск боли, откуда она не знала. Цзуй Цзюй боролась и сопротивлялась во сне. Это было похоже на боль в руке или ноге. Постепенно боль, казалось, всплыла как лед со дна моря на поверхность, выталкивая ее из мира снов.

Цзуй Цзюй внезапно открыла глаза и почувствовала новую волну боли.

На этот раз она поняла, что эта резкая боль была от того, что кто-то вонзил в нее ногти.

– Цзуй Цзюй… Цзуй Цзюй… – Пин Тин мучительно стонала в темноте.

Цзуй Цзюй была так потрясена, что сразу же села. Под лунным светом изящные брови Пин Тин сдвинулись, а ногти были глубоко погружены в запястье Цзуй Цзюй.

– Мисс, что случилось?

– Больно, – Пин Тин коснулась нижней части своего живота. Капли пота размером с соевые бобы начали сочиться с ее лба, падая на подушку.

Цзуй Цзюй была встревожена этим.

– Я здесь, не волнуйтесь, – она перевернулась, чтобы найти нужное, только чтобы вспомнить, что ее сумка уже была украдена. Она даже не успела надеть халат, когда поспешно нашла дверь туда, где спала пожилая пара. Она громко постучала в дверь, крича:

– Хозяйка! Хозяйка! Проснитесь!

– Что случилось, мисс?

Цзуй Цзюй схватилась за запястье хозяйки:

– Серебряные иглы! У вас есть серебряные иглы?

Хозяка только что проснулась и была очень сонной.

– Мы бедны, где нам найти такие вещи, как серебряные иглы?

– Тогда… обычные иглы? Иглы для вышивания? – Цзуй Цзюй была на грани слез от беспокойства.

– У меня есть только одна потускневшая игла для шитья одежды. Для чего вам…

– Не спрашивайте, одолжите мне ее!

Цзуй Цзюй взяла иглу и поспешила обратно в комнату. Она зажгла фонарь, его свет явил Пин Тин, покрытую потом. Подушка была полностью пропитана ее потом, а лицо пожелтело. Увидев, как вошла Цзуй Цзюй, она вытерпела боль, и едва выговаривая слова, спросила:

– Что происходит?

– Ничего особенного, – Цзуй Цзюй поспешно поднесла старую иглу для вышивания к пламени светильника, быстро ответив: – Просто нужно использовать иглу, чтобы уколоть мисс несколько раз. Не нужно бояться, – ее тон смягчился, но она дрожала. Игла почти пылала красным, но Цзуй Цзюй, казалось, совсем не чувствовала жара. Она ухватилась за кончик иглы, направляясь к кровати, мягко уговаривая: – Не волнуйтесь, несколько уколов не повредят, – она велела Пин Тин лечь и осторожно расстегнула ее одежду.

Волны боли исходили от нижней части живота Пин Тин, будто табун взбесившихся диких лошадей топтался внутри него. Она не могла вынести еще большей боли. Видя, что Цзуй Цзюй держала иглу и что та собиралась уколоть там, она не могла не почувствовать удивления. Она не знала, с чего начать объяснения, и внезапно немного приподнялась, останавливая Цзуй Цзюй.

– Ты не причинишь вреда моему ребенку, верно?

Цзуй Цзюй без колебаний ответила:

– Конечно, нет, поверьте мне.

Только тогда Пин Тин расслабилась. Эта боль истощила все ее силы. Она упала на

пропитанную потом кровать, покрытую волосами от ее ворочания.

Её живот начал немного нагреваться, затем последовало ещё одно тепло. Цзуй Цзюй продолжила вонзать иглу в несколько мест, когда внезапно вся боль, казалось, взорвалась, будто сработала мина.

Пин Тин начала кричать «Ааа» и слабо сопротивляться, прежде чем свернуться калачиком, как мертвая креветка. Затем она, казалось, вернулась к жизни, будто боль утихла. Она нахмурилась, прислушиваясь к ощущениям. Боль внезапно нахлынула, а затем вылилась из отверстия, где была игла.

– Чувствуете себя лучше? – голос Цзуй Цзюй прозвучал в ее ухе, звуча очень, очень далеко.

Несколько мгновений спустя Пин Тин, наконец, выдохнула.

– Да уж…

Цзуй Цзюй тоже вспотела. Услышав ответ Пин Тин, она, наконец, отложила иголку в руке, плюхаясь на сидение.

– Ребенок… в порядке?

Цзуй Цзюй ответила:

– Я уже говорила вам, что ваше тело слабое, поэтому не пытайтесь быть такой резвой. Фух…

– Цзуй Цзюй?

– Вы должны отлежаться как следует. С вашим ребенком все в порядке, – Цзуй Цзюй подняла голову и увидела хозяйку, которую они разбудили, с любопытством глядящую из-за двери. Она поспешно пошла вперед, чтобы извиниться: – Мои извинения за то, что разбудили хозяина и хозяйку.

– Мисс…

– Моя сестренка больна.

– О, – хозяйка посмотрела в комнату за ней. Она понизила голос: – Теперь ей лучше?

– Намного лучше. Все в порядке, хозяйка может пойти спать.

Когда она, наконец, убедила хозяйку уйти, Цзуй Цзюй снова села у кровати.

– Мы не можем идти дальше. Вам лучше немного отдохнуть.

Пин Тин долго не издавала ни звука.

– Мы не можем оставаться здесь, нам нужно идти. Теперь, когда у этих людей есть наши сумки, кто знает, кто их получит? – Пин Тин, наконец, собрала силы, но ее голос был тихим. – Если они станут преследовать нас, мы не сможем уйти, даже если захотим.

Цзуй Цзюй снова вздохнула.

Затем Пин Тин спросила:

– Что случилось с моим телом? Ты не должна ничего от меня скрывать.

Цзуй Цзюй была одновременно зла и грустна. Ее голос невольно начал заикаться.

– Как мисс все еще не может понять? Ваше тело не было сильным с самого начала. Как оно могло выдержать такое путешествие с невероятным количеством забот и неприятностей? Я должна найти хорошие травы. Даже дикий женьшень или ганодерма, подошли бы.

Пин Тин покрылась холодным потом, когда ей было больно, но теперь его не было. Она чувствовала, как холод проникает сквозь ее кожу. Она накрылась одеялом и мило улыбнулась.

– Я послушаю твои слова и не буду спешить покинуть это место, так что смогу немного отдохнуть в течение пары дней, хорошо?

Цзуй Цзюй вытерла слезы и стиснула зубы.

– Теперь я действительно ненавижу герцога. Если у вас уже есть возлюбленная, тогда вы должны хорошо защищать и беречь ее. Как он мог позволить мисс влипнуть во все это? Неважно, как на это не посмотри, он виноват!

Пин Тин не ожидала, что она вспомнит Чу Бэй Цзе. Она напряглась, но потом вспомнила своего ребенка. Пин Тин согласилась с каждым ее словом. В конце концов, она потратила огромные усилия на Чу Бэй Цзе, но все же пала перед такой судьбой.

Она больше не могла придумать, как ей дальше жить.

Столкновение между страной и возлюбленными никогда не приносило ценных плодов.

Она всегда в тайне ожидала этого, но была совершенно не в силах предотвратить подобное с собой.

– Не бери в голову, – Пин Тин тихо вздохнула и закрыла глаза. – Не трать больше времени и усилий на этого человека, иначе наша жизнь будет бессмысленно потрачена впустую, – она нежно погладила свой живот. Хотя никто не мог обнаружить это визуально, можно было ощутить слабый удар, если осторожно прикоснуться к нему.

Дитя мое, не увлекайся национальными делами и не сильно люби.

Поначалу нравственное поведение подходит правителю, но в конце оно становится тяжелым замком и кровавой тканью. Он заточает твое сердце и ослепляет глаза.

Не будь как твой отец, и не будь как твоя мать.

Дорогой малыш, любишь ты или ненавидишь, никогда не забывай своих корней.

Не забудь это.

Светло-фиолетовые маячки зажигались один за другим, соединяя небо. Дым поднимался вверх, сообщая остальным людям на земле, что великая битва неизбежна. Флаги поднялись в небо, зловещим ответом.

Прозвучал далекий рог, он не мог скрыть своего печального тона.

Издалека было видно густое море железных шлемов. Тысячи клинков были направлены прямо в небеса, сверкая своим холодным светом. Каждый дюйм равнин был покрыт кавалерийскими подразделениями армии Дун Линя.

Чу Бэй Цзе сидел на своем коне, стоящим прямо на ветру у самого фронта армии. Флаг герцога Чжэнь-Бэя был поднят над ним, энергично и мощно развеваясь на ветру. Он был похож на пугающий тотем, который мог высосать энергию врага.

На склоне напротив них плавал еще один цветной флаг, тоже принадлежавший по-настоящему огромной армии.

Юнь Чан, та страна, что всегда прятала себя, никогда не открывая своего лица. В результате у нее было много времени для накопления значительного количества резервных сил, и ее нельзя было недооценивать.

Чу Бэй Цзе прищурился, пытаясь разглядеть фигуру, уверенно стоящую на самом фронте своей армии. Он был главным советником армии Юнь Чана.

Он вспомнил фигуру, смотревшую улыбаясь вниз с вершины Утеса Трех Ласточек. Он тогда был тем человеком.

Маркиз Цзин-Ань тогда, теперь принц-консорт Юнь Чана.

И мужчина, укравший Пин Тин из его рук!

Сильный ветер подул между ними, но, казалось, боясь надвигающейся войны, вскоре поспешил прочь.

Стало внезапно, смертельно тихо. Неслыханный, тревожный ритм рос все быстрее и быстрее, словно игра в тишине. Несколько сотен тысяч человек стояли на равнинах, и все же было тихо, как в могиле. Даже их лошади не смели ржать.

Чу Бэй Цзе тихо наблюдал за Хэ Ся. Их разделяло огромное пространство, но они все еще могли видеть взгляд противника. Он был таким же острым, как и его, и таким же проницательным.

Он украл Пин Тин, украл Пин Тин беременную моей плотью и кровью.

Рука Чу Бэй Цзе тихо сдавила свой меч.

В тот момент, когда он извлечет его, битвы без отдыха будут идти одна за другой. И не будет пути назад.

Чэнь Му стоял рядом с Чу Бэй Цзе. Его ладонь была покрыта потом, как и у другого генерала. Он знал, что в тот момент, когда меч Чу Бэй Цзе выйдет из ножен, все эти сотни тысяч рванут вперед, что приведет к множеству огромных волн крови.

Ради одного человека.

Ради единственной женщины.

Бай Пин Тин, имя, навсегда запомнившееся всем четырем странам.

Все взгляды были устремлены на руку Чу Бэй Цзе. Судьбы всех солдат зависели от одного прикосновения его руки к мечу.

Воздух был очень напряженным, а дыхание – крошечной нитью, растянутой до разрыва. Она медленно протягивалась в пустое пространство между двумя армиями.

Послышался топот лихой лошади.

На южной стороне гор произошло несколько резких движений. Что-то ворвалось со стороны, совершенно не заботясь о двух армиях, и проникло в пустое пространство меж ними. Это движение напоминало легкий порез мечом на масляной картине, через который должен был проникнуть свет, принося красоту в мрачные краски. Это осветило всю картину за один раз, хотя странно и неуместно.

– Флаг императорского дома Юнь Чана? – Чэнь Му не доверял своему голосу.

Взгляд Чу Бэй Цзе метнулся за его пределы, надолго запечатлевая большие слова на флаге. Свет вспыхнул в его глазах. Первый прибывший человек, взял флаг и подъехал к Чу Бэй Цзе и его лошади. Он легко поклонился, спросив ясным голосом:

– Является ли этот генерал Дун Линя герцогом Чжэнь-Бэем Чу Бэй Цзе?

– Я – Чу Бэй Цзе. Кто ты? – голос Чу Бэй Цзе был глубоким.

– Я капитан охраны императорской резиденции Юнь Чана, Жун Ань. Мой мастер – принцесса Яо Тянь, приказала мне передать сообщение. Я попрошу ненадолго личного внимания герцога.

– Битва начинается. Где сейчас принцесса Яо Тянь?

– Она здесь, – Жун Ань указал позади себя.

Толпа сразу же посмотрела вдаль. На склоне холма стояла богато украшенная повозка. Она прибыла только утром и сразу же бросилась к центру двух армий.

Сердце Чу Бэй Цзе, казалось, потянули невидимой нитью, шок затопил его глаза.

Яо Тянь хотела все уладить мирно.

Что еще она могла использовать, чтобы торговаться, кроме Пин Тин? Яо Тянь, должно быть, поспешила остановить настоящую битву между двумя армиями и избежала Хэ Ся, направляясь прямо к нему. Это должно было быть связано с Пин Тин.

Его сердце, которое продолжало излучать холод, внезапно начало полыхать, словно огонь. Вдруг он оказался слишком взволнован и не знал, что делать.

Повозка начала приближаться. Другая сторона, казалось, узнала флаг собственного императорского дома и была слишком шокирована.

Жун Ань подвел свою лошадь к повозке и пару раз кивнул на окно. Затем он отъехал обратно, и сказал:

– Принцесса теперь приветствует герцога в повозке.

Повозка остановилась на нейтральной полосе, четыре белоснежных лошади опустив головы, двинулись вперед и замерли на месте. Возможно, возница получил приказ от человека в повозке, и когда они подъехали, он слез и отошел. Затем он остановился примерно в ста шагах, терпеливо ожидая дальнейших приказов.

Чэнь Му предупредил его:

– Будьте осторожны, герцог. У Хэ Ся слишком много схем, берегитесь, чтобы не попасть в засаду.

Чу Бэй Цзе холодно рассмеялся.

– Это просто повозка. Даже если она полна людей, как они могут сравниться с драгоценным мечом в моей руке? – затем он подъехал к повозке, спокойно спросив: – Там ли принцесса Юнь Чана, Яо Тянь? Чу Бэй Цзе здесь. Хотела ли принцесса что-то сказать?

Яо Тянь отодвинула шторы, подняв глаза, чтобы посмотреть на Чу Бэй Цзе, который сидел на коне и выглядел величественно и внушительно. Она про себя похвалила его стиль и смягчила голос.

– Яо Тянь попросили передать герцогу письмо.

– Только письмо? – зрачки Чу Бэй Цзе сжались. Воздух вокруг него стал ледяным. – А человек?

– Человека больше нет в моем Юнь Чане, – ответила Яо Тянь. – Герцог поймет, прочитав это письмо.

Выражение лица Чу Бэй Цзе стало еще холоднее, когда он посмотрел сквозь занавес, борясь с холодным взглядом. Затем он сказал:

– Принцесса недооценивает меня. Моя армия Дун Линя прошла тысячи миль, чтобы добраться до этого места, только чтобы найти этого человека. Если Юнь Чан не может вернуть этого человека мне, думая, что письмо заставит меня отозвать войска, как я могу выполнить такую неубедительную просьбу? Не вините, что я вам не верю, но если этому человеку будет

причинен какой-либо вред, я клянусь, что прольется вся кровь императорского дома Юнь Чана.

Яо Тянь долго сидела в повозке, а потом грустно вздохнула.

– Яо Тянь слышал о славе герцога Чжэнь-Бэя как героя, но у нее есть вопрос.

Чу Бэй Цзе хотел уйти, но передумал. Он не мог недооценивать ничего, связанного с Пин Тин. Он сжал поводья, сказав:

– Пожалуйста, продолжайте, принцесса.

Затем Яо Тянь сказала:

– Я хотела бы спросить, не привели ли вы на этот раз солдат на бой только ради одного человека по имени Бай Пин Тин?

– Верно.

– Тогда император Дун Линя согласился на это?

Чу Бэй Цзе усмехнулся:

– Это дела моего Дун Линя, и армия уже здесь. Это не имеет ничего общего с принцессой.

– Отношения между герцогом и мисс Бай глубоко укоренились в ненависти между странами. Вопрос о том, является ли страна или чувство более важным, и особенно то, отказываться ли от собственного счастья ради своей страны, всегда было жестокой дилеммой.

– Что принцесса пытается сказать?

Яо Тянь вздохнула.

– Об учениях и морали часто говорят вместе, но они не совсем похожи. Мораль исходит из сердца, но учения основаны на этических принципах. Учения часто являются наиболее правильными и полными, поэтому они часто отвергают мораль. В результате люди слепо следуют общим этическим принципам и не слушают свое сердце. Они подчиняются так называемым национальным интересам и жертвуют собой ради страны. Очень жаль, если они не делают этого добровольно, от глубины своего сердца, благодаря преграде учений. Почему герцог сейчас не такой, как в тот день, когда он выбрал страну вместо Пин Тин, что привело к нарушению обещания шестого числа?

Поначалу Чу Бэй Цзе был безразличен, но внезапно почувствовал эмоции от ее слов. Его голос стал серьезным:

– Пожалуйста, продолжайте, принцесса.

– Страна или люди, что важнее? Это не проблема, решаемая компромиссами, – Яо Тянь сделала паузу для достижения эффекта, прежде чем неспешно продолжить: – Герцог, возможно, думал, что предки в нашей истории решили объединиться, чтобы противостоять внешним врагам и противостоять насилию, чтобы жить лучше и заслужить свое счастье. Только тогда страны начали формироваться. Основными корнями страны всегда были ее люди. Для чего жить, когда человек жертвует своим счастьем, чтобы защитить страну? Какой смысл вспоминать человека, который знает только, как защищать страну и не понимает важности заботы о своем счастье?

Тело Чу Бэй Цзе начало дрожать. Он крепче сжал поводья, только услышав, как Яо Тянь продолжила:

– И как может мужчина, который ради поиска собственного счастья готов пожертвовать жизнями сотен тысяч солдат, чтобы сформировать армию, крадя счастье у других, быть героем, которого действительно любит Бай Пин Тин? Подумайте, герцог, все эти солдаты в ваших руках действительно хотят сражаться за единственную женщину?

Яо Тянь вздохнула и понизила голос.

– Бай Пин Тин хотела, чтобы глаза герцога открылись, чтобы он мог увидеть, что нужно ценить в этом мире, кого нужно беречь. Она хотела, чтобы вы видели это даже в колониях муравьев. У них есть свобода и амбиции, но они всегда видят свое счастье.

Зубы Чу Бэй Цзе были крепко сжаты, и на долгое время он утратил дар речи.

В утреннем свете улыбка Пин Тин была нежной, как вода, но теперь она растаяла во всех озерах и морях, не оставив и следа.

Основными корнями страны всегда были ее люди.

Если это не было сделано добровольно от души, зачем заставлять себя жертвовать самыми дорогими для них вещами в обмен на репутацию страны?

Страна и люди были не двумя отдельными выборами, а одним.

Только те, кто слушал свое сердце, любил то, что любил, и ненавидел то, что ненавидел, были настоящими людьми.

Чу Бэй Цзе резко поднял голову к небу, смеясь над небесами, когда его слезы покатились по щекам. Он понизил голос:

– Спасибо, что указали на это, принцесса.

Письмо было медленно подано из-за занавеса.

– У Яо Тянь было всего несколько переживаний, которых недостаточно, чтобы быть достойными вашей похвалы. Эти слова пришли из письма мисс Бай.

Чу Бэй Цзе слез с лошади, нерешительно приняв письмо, такое же нежное, как новорожденный. По его позвоночнику пробежала дрожь:

– Спасибо, принцесса. Я клянусь принцессе, что армия Дун Линя будет немедленно выведена.

Яо Тянь не ожидала, что он так ясно решит вопрос о своем уходе. Она немного поколебалась, прежде чем спросить:

– Герцог не боится, что это письмо является ложным и что мисс Бай все еще находится в заточении?

Чу Бэй Цзе рассмеялся.

– Если у Пин Тин не было бы уверенности, почему бы она попросила принцессу передать письмо? Почерк может быть подделан, но могут ли быть подделаны мудрые слова?

Он повернул свою лошадь и поехал обратно к своей армии. С начала своего ожидания Чэнь Му был нетерпеливым и поспешно прошел вперед, чтобы спросить:

– Что, черт возьми, сказала принцесса Юнь Чана?

– Выведите войска.

– Что?

Чу Бэй Цзе долго усмехался.

– Отступаем! Мы больше не будем сражаться.

Несмотря на то, что все были тайно ошеломлены этим, они также были приятно удивлены. Но

некоторые люди спросили:

– А что насчет герцогини?

– Я сам найду ее, – Чу Бэй Цзе посмотрел в глубину неба, решимость наполнила его глаза. – Я найду ее, даже если она на краю света.

Боже, прояви милосердие, пожалуйста, благослови меня с Пин Тин.

Ты можешь лететь к небу на своих крыльях. Чу Бэй Цзе готов следовать за тобой до конца света.

С сегодняшнего дня я буду любить то, что люблю, и ненавидеть то, что ненавижу.

Я знаю, что хочу сделать, и понимаю, что должен делать.

Я понимаю, что я должен ценить и поэтому буду ценить это, а с чем должен разорвать связи и, следовательно, разорву эти связи.

Я понимаю, что страна и дом, страна и люди всегда были едины.

Я понимаю, что жертва не велика, но только благодаря тому, что я ценю людей, которых люблю, страна может процветать. Это само по себе является мощной парой крыльев, которая дает взлет амбициям, точно так же, как текущая красная кровь делает то же самое.

Пин Тин, Пин Тин, я услышал голос своего сердца.

В нем говорится, что жизнь за жизнью я никогда не должен расставаться с тобой.

Даже если земля разрушится или высшая сила попытается вмешаться, это чувство всегда будет оставаться.

– Выведите армию!

– Отступаем! Отступаем!

Армия Дун Линя ушла, а финальная битва была остановлена в последний момент.

Чу Бэй Цзе смотрел на горизонт, не в силах увидеть то знакомое тело. Но он пойдет, чтобы найти ее, он должен был найти ее и с любовью защитить, чтобы сопровождать ее под звездами,

когда она играет на цине или наблюдает за звездами в снегу.

Вместе они присматривали бы за растущим ребенком, учили бы его не сбиваться с пути и не погружаться в темную депрессию. Тогда он всегда будет помнить, что мораль исходит из сердца, и только прислушиваясь к голосу сердца, человек никогда не будет слеп.

Пусть он поймет, что у людей есть свое достоинство, у людей есть свои амбиции, у людей есть своя свобода и свое счастье.

Это были не те вещи, которых национальные интересы или моральное благо могли их лишить.

Потому что основными корнями страны всегда было одно – ее народ.

http://tl.rulate.ru/book/8939/507137